

Пролог

Эта ночь была не похожа на все предыдущие...

На небе не видно ни луны, ни звезд.

Нет ветра! Листья деревьев не шелохнутся. Они похожи на искусственные растения, стоящие в помещениях для красоты...

Тишина. Только изредка вскрикивают птицы. Их голоса напоминают то плач, то стон, то возгласы смертельно раненного человека.

Бабочки... Их очень много сейчас. Они все светлые, похожие на крупные хлопья пепла, взметнувшегося над костром...

Дьявольская ночь, таящая в себе опасность.

Это чувствовали все, кто не спал...

Их было трое.

Один мечтал о мести. Ему казалось, что сегодняшняя ночь самая подходящая для вендетты.

Второй хотел, чтобы ему никто не мешал достигнуть цели, и готов был убить любого, мешающего ему.

Третий...

А вот третий не желал никому ничего плохого. Он просто проснулся в неурочный час, вышел на воздух и...

Почувствовал нечто враждебное. Во всем окружающем. Но он решил, что стал слишком мнительным.

Небо, напоминающее черную копирку, застывшие деревья, стоячий воздух, бесцветные, как тени, бабочки... Человек видел все это, но говорил себе, что все это не страшно.

Он шел вдоль наполненных тишиной и покоем домиков и думал о рассвете. В этих местах он совершенно особенный. Нарочито оптимистичный. Как в кино.

Человек ждал рассвета. Не догадываясь о том, что не просто не доживет до него, а умрет буквально через пару минут...

Он дошел до речушки. Она единственная не была в створе с дьявольской ночью. Бежала, бурлила, поблескивала, успокаивала, ласкала слух.

Человек увидел подле нее еще одного неспящего. И обрадовался. Ему было приятно осознавать, что он тут не один. Он был не прочь поговорить с кем-нибудь. Однако не успел сказать ни слова. Миг, и в его висок врезался черенок от лопаты. Прошла еще секунда, и он упал на землю. Глаза устремились в небо без луны и звезд, похожее на черную копирку...

Сознание ускользало, но еще не оставило его. Словно затем, чтобы он смог ощутить нечеловеческую боль, когда острие лопаты врезалось в шею...

Часть 1

За... часов до убийства...

Глава 1

Белоснежный катер рассекал носом океанские волны. Штормило, и его иногда подбрасывало так сильно, что пассажиры вскрикивали. Невозмутимым оставался только один из них, мускулистый черноволосый парень в футболке с надписью: «Наглость второе счастье. Первое — я!» Спасательный жилет, без которого в катер не пускали, он застегнуть не потрудился, поэтому она была видна. Молодой человек сидел в вальяжной позе на последней лавке, грыз зубочистку и смотрел не вперед, как остальные, а куда-то в сторону, хотя там, в стороне, — ничего, кроме водной глади, а впереди — остров.

«Самовлюбленный тип, — подумала про него Маша. — Рисовщик!»

Тут катер вновь подкинуло. Да так сильно, что Маша слетела со своей лавки и чуть не вывалилась за борт, но «рисовщик» подхватил ее за талию одной рукой и без усилия, будто девушка весила не шестьдесят килограммов, а вдвое меньше, придержал.

— Спасибо, — поблагодарила она парня.

Тот в ответ лишь улыбнулся, не разжимая губ.

Маша опустила на свое место и вцепилась обеими руками в борт.

— Ты как, в порядке? — спросила у нее сидящая

рядом девушка. Звали ее Кариной. Маша успела познакомиться с ней перед тем, как забраться в катер, и поболтать на отвлеченные темы.

— Да, все нормально, — ответила она Карине. — Испугалась только.

— А чего бояться, когда в катере с нами сильные мужчины? — это уже к Маше обратилась другая барышня, яркая блондинка, которая сидела напротив. Всю дорогу она не сводила глаз с «Первого счастья». Подавая реплику Маше, она также смотрела на парня. Чтобы понял: это о нем, и обратил наконец на нее внимание. Но он никак на комплимент не среагировал. Как будто даже не услышал. Но это вряд ли — блондинка говорила громко, чтобы голос не потонул в реве мотора.

Кроме Маши, Карины, яркой блондинки, положившей глаз на невозмутимого брюнета, и, собственно, его самого, в катере находились еще пятеро пассажиров. Четыре парня и девушка. Всю компанию из девяти человек везли на остров, расположенный в десяти километрах от материка, где телевизионщики собирались снимать реалити-шоу. Участники — молодые люди от двадцати двух до двадцати семи лет. Пять парней, четыре девушки. Задача — создать пару и продержаться до конца проекта (не ново, но участники предыдущих шоу строили любовь либо в Москве, либо на шикарных виллах каких-нибудь модных курортов, но никак не на необитаемом острове), одиночки вылетают. Через неделю должно состояться первое голосование, и тот из парней, кто останется без девушки, поедет домой.

«С «Первым счастьем» все ясно, — прикинула шансы ребят Маша. — Он в любом случае один не останется. Блондинка его заарканит сразу, как мы обос-

нуемся. А он, если не дурак, будет держаться ее, чтобы остаться на проекте...»

Ей самой тоже следовало выбрать кого-то из ребят. Но пока она не видела никого, кто мог бы стать ее парнем хотя бы на месяц, в течение которого будет сниматься шоу.

«Счастье» исключается сразу — самодовольные красавчики ей никогда не нравились. Остаются четверо: Лошок, Качок, Хитрюга и Певец. Эти клички Маша дала ребятам сразу, как только увидела их. Первый выглядел эдаким Иванушкой-дурачком современности: добродушное курносое лицо, растрепанные светлые волосы, небольшой пивной животик, джинсы с рынка, а на шее гайтанчик с серебряной подвеской Инь-Янь. Второй телом был красив, лицом прост. На животе каждый кубик виден, на бицепсе цветное тату. Третий — симпатичный, модный, ухоженный. Отличная стрижка, фирменные шмотки, аккуратно подбритая щетина, гладкие подмышки. Обаятельный, легкий в общении, с виду душка, но взгляд хитрый. Четвертый... А четвертый — ПЕВЕЦ! И этим все сказано. Когда Маша только увидела его, то сразу вспомнила фильм «Иван Васильевич меняет профессию». Там есть сцена, когда Бунша в образе Грозного подходит ко всем, жмет руку и говорит: «Царь. Очень приятно, царь!» Вот так же и четвертый парень делал. Хлопал по ладони тех, с кем ему предстояло провести как минимум неделю, и представлялся: «Певец и композитор Григорий Кротов!»

Только его имя Маша запомнила. Остальных ребят не знала, как звали. Она подошла к причалу позже остальных (ремешок на сандалете расстегнулся, и она, как Золушка, туфельку потеряла) и успела только с певцом познакомиться да с Кариной. Две остальные

девушки, яркая блондинка и хорошенькая рыжая ба-
рышня, которую Маша про себя назвала Белочкой, до
сих пор оставались для нее безымянными.

— Эй, там, впереди! — донеслось издали. Это кри-
чал в рупор режиссер проекта, Алекс Королев, сидя-
щий во втором катере, следующем за тем, который вез
участников. — Прибываем через пять минут. Из посу-
дины сразу не выходим, ждем, когда установят камеры
на берегу!

— Как ты думаешь, в каких условиях мы там жить
будем? — обратилась к Маше Карина.

— Сказали, в условиях, приближенных к поход-
ным.

— Как в «Последнем герое», что ли?

— Вряд ли. Ведь нам разрешили взять с собой
столько вещей, сколько хочется.

— Фен у меня отобрали.

— Потому что там нет электричества.

— Да ладно! Как тогда съемочная группа работать
сможет?

— Для них электричество будет, для нас нет. Я но-
утбук хотела взять, тоже не дали. Сказали, что беспо-
лезных вещей у меня и так достаточно.

— Да? — заинтересовалась Карина. — И что это за
вещи?

— Может быть, босоножки на каблуке, большая
косметичка.

— Босоножки? На каблуке?

— Да, взяла на всякий случай...

— Одни?

— Ну да.

— Я — три пары! — хмыкнула собеседница.

Машу это не удивило. Карина и сейчас была в

шлепках на высоченной платформе. Как только она умудрилась не переломать ноги, забираясь в катер, не ясно! Остальные девушки обулись в удобные сандалии на плоской подошве, а оделись в шорты и майки. И только Карина красовалась в сарафанчике с пышной юбкой и обтягивающим декольтированным верхом. Когда она перемахивала в нем через борт, все увидели фасон и цвет ее трусиков.

Пока девочки беседовали, катер приблизился к острову. До него оставалось еще метров пятьдесят, но всем был прекрасно виден берег: редкие валуны дымчатого цвета, белый песочек, тонкоствольные пальмы, тянущиеся своими лохматыми кронами к воде...

— Какая красота! — вырвалось у Маши.

— Вообще улет! — вскричала Карина и, вскочив на ноги, запрыгала, завизжала, замахала руками. К счастью, катер сбавил скорость, и его почти не качало, иначе девушка вывалилась бы за борт. — Райский остров, я плыву к тебе!

Остров райским показался не только Карине, но и Маше, и всем остальным. Глаза пассажиров катера светились восторгом. Даже «Первое счастье» приподнял темные очки и взглянул на берег с явным удовольствием.

Глаза у него оказались изумрудно-зелеными, как вода у берега.

— Карина! — снова прокричал режиссер. Но теперь не в рупор — катер съемочной группы подошел достаточно близко, и его голос был прекрасно слышен. — Сможешь повторить еще раз? Мы снимем для заставки...

— Запросто.

— Отлично. Тогда приготовься... И вы, — это уже к

остальным, — верните на лица восторженное выражение! Можете покричать, как Карина... Готовы? Начали!

По заказу восторгаться красотой острова получилось не у всех. Поэтому пришлось сделать несколько дублей и выслушать гневные режиссерские тирады. Самое сильное недовольство у него вызывали Белочка и Маша. Первая восхищалась слишком сдержанно, а вторая переигрывала. В итоге главную роль в этом эпизоде получила Карина. Остальные остались в массовке.

Маше очень хотелось поскорее попасть на остров. В катере, когда он медленно двигался, было очень жарко. Голову припекало, под жилетом все потело. Под пальмами же была тень, и Маша представляла себе, как здорово лежать на песочке под зонтиком из крон. Но их продержали на солнцепеке еще двадцать минут. А когда разрешили-таки сойти на берег, не дали продыху и сразу погнали в центр острова, туда, где был разбит их лагерь.

Шли недолго, минут десять-двенадцать. Но путь оказался нелегким, идти пришлось по джунглям. Не таким непролазным, конечно, как в кино про Данди-крокодила показывают, и все же. Земля под ногами влажная, вязкая, то и дело коренья попадаются, лианы, ветки упавшие. И то и другое можно принять за змей, поэтому девушки то и дело взвизгивали, наступая на что-то длинное, тонкое и скользкое.

Наконец они дошли! Выйдя из джунглей на открытую местность, увидели небольшую деревеньку — всего несколько хижин под пальмовыми листьями. Сначала Маша решила, что в ней живут аборигены и остров не совсем необитаемый, но потом услышала голос главного администратора Сережи:

— Тут вы будете жить. Так что не стойте, разинув

рты, бегите, занимайте гамаки! Девочки в крайней левой хижине жить будут, мальчики — в правой.

Все устремились к домикам. Карина даже припустила бегом, но на полпути приостановилась, обернулась и спросила:

— А остальные домики для кого?

— Один для собраний, второй для приема пищи, то есть столовая, а еще пара для... пар! — и засмеялся, довольный своим каламбуром.

Из девушек первой к хижинам приблизилась Карина. Влетела внутрь, орлиным взором окинула пространство и ринулась к гамаку, висящему ближе всех к окну.

— Я буду спать тут! — прокричала она, запрыгнув в него.

Остальные девушки тоже быстро заняли себе места для ночлега. Маше, как самой нерасторопной, достался гамак у самой двери.

— Как в нем лежитя удобно, а? — восторженно пропела блондинка, занявшая соседний, но более удаленный от входа гамак.

— Это только поначалу кажется, — возразила Белочка. — А полежишь час-другой, спина ныть начинает. Гамаки не для долгого сна. Для сесты только. Позвончику твердая поверхность нужна...

— Слушай, а где я тебя могла видеть? — бесцеремонно перебила ее Карина.

— По телевизору, — улыбнулась Белочка. — У меня передача была на ТВ.

— Вспомнила! — хлопнула себя по лбу Карина. — «Любопытная Варвара» называлась. Ты там рассказывала о новостях шоу-бизнеса.

— Я тоже эту передачу помню, — подключилась блондинка. — Почему ее закрыли?

Белочка пожала плечами:

— Не знаю, Наташ. Руководство канала так решило.

«Ага, значит, блондинку зовут Наташей, — отметила про себя Мария. — А Белочку, наверное, Варварой. Осталось узнать имена парней...»

— А вы, девочки, чем занимаетесь? — спросила Варвара у остальных.

— Я — модель, — гордо ответила Карина.

— Да ладно! — не поверила ей Наташа. Маша, собственно, тоже подумала о том, что Карина врет, но не высказала этого вслух. На модель она явно не тянула, хотя была симпатичной — смуглой, кареглазой и от природы черноволосой. Однако Карина свои волосы осветляла. А так как они были очень темными, то цвет получался не белый, а соломенный, совсем не шедший ей. К тому же от сильных осветляющих красок волосы стали тусклыми и тонкими. Если бы девушка работала моделью, ее обязали бы вернуться к натуральному цвету и отстричь пережженные, напоминающие подгнившее сено лохмы.

— Я, между прочим, уже для трех обложек снялась, — стояла на своем Карина.

— «Вога»? — ухмыльнулась Наташа, прекрасно понимая, что получит отрицательный ответ.

— Нет, конечно. Но и туда я обязательно попаду! Может, не на обложку, но на разворот точно!

— Тогда для каких журналов ты снималась? — не отставала Наташа.

— Тебя это не касается.

— Я так и думала, что ты врешь...

Карина прыгнула со своего гамака, подлетела к пляжной сумке и, вытащив из нее журнал, швырнула его Наташе.

— На, убедись!

На обложке глянцевого издания на самом деле красовалась Карина. Красивая и надменная. Ее ярко покрасили, волосы гладко зачесали и украсили алой розой.

— Ты тут как Кармен. Роскошная, — отвесила девушке комплимент Варвара. — Снимок очень удачный. Фотограф — молодец. Уловил самую твою суть.

— А журнальчик-то тамбовский, — хихикнула Наташа.

— Ну и что?

— В провинции любая более-менее симпатичная девушка весом до пятидесяти кило фотомodelью станет.

— Завидуй молча, — процедила Карина.

— Было бы чему, — пропела Наташа и тоже полезла в сумку.

Спустя несколько секунд из ее недр показался еще один журнал, но не провинциальный, а общероссийский. На его обложке девушки увидели уже Наташу. В шикарном платье, с короной на голове она напоминала сказочную принцессу. Умелый макияж и уложенные в замысловатую прическу белокурые локоны делали ее прекрасной. Сейчас же, ненакрашенная и с распущенными прямыми волосами, она казалась просто хорошенькой.

— Ты королева красоты? — как будто не поверив глазам — грудь Наташи пересекала алая лента с соответствующей надписью, — уточнила Карина.

— Да. Я — «Миссис Москва».

— То есть ты замужем?

— Была. Сейчас в разводе.

— Дети есть? — поинтересовалась Маша.

— Да, сын. Ему полтора года.

— И ты бросила такого малыша? — возмутилась Карина.

— Почему бросила? Он с моей мамой.

— Он со своей должен быть.

— Карина, это не твое дело, — мягко осадил тамбовскую модель Белочка. И тут же переключила свое внимание на Машу: — А ты чем занимаешься?

— Я тренер.

— По фитнесу? — поинтересовалась Наташа. Судя по подтянутой фигуре, она регулярно посещала спортзал, вот ей на ум сразу и пришла ассоциация.

— Можно и так сказать. По тай-бо.

— А это не типа карате?

— Это боевая аэробика.

— Круто, — протянула Карина. — Выходит, ты классно дерешься?

— Да нет, не особо, — улыбнулась Маша.

На этом разговор пришлось закончить, потому что в хижину влетел администратор Сережа искомандовал:

— Все встаем и выходим. Вас операторы ждут у хижины парней.

— Но мы еще не отдохнули! — взбунтовалась Карина. — И себя в порядок не привели. Дайте нам еще хотя бы минут десять.

— Не торгуйся, не на рынке, — осадил ее Сергей. — Через минуту чтобы были.

И удалился.

Карина показала его спине язык.

— Противный тип, — пробормотала Наташа.

Маша мысленно с ней согласилась. Сергей ей тоже не нравился. Было в нем что-то отталкивающее. Хотя лицом мужчина был красив, чем-то похож на индийского артиста Митхуна Чакроборти. Машина мама бы-

ла его страстной поклонницей, и в их квартире повсюду были расклеены портреты исполнителя роли «Танцора диско».

Первой к выходу направилась Варвара. Ей минуты хватило на то, чтобы пригладить выбившиеся из хвоста кудряшки, протереть лицо влажной салфеткой и мазнуть по губам бальзамом. Маша вышла из хижины вслед за ней. А вот две красавицы еще долго возились. Пришлось Сергею припугнуть их штрафом. Причем наказывать девушек администратор собирался не рублем — денег ни у кого из участников не было, — а минутами разговора с родиной. Каждому участнику обещали давать раз в неделю спутниковый телефон, чтобы он мог связаться с близкими. Тот же, кто будет систематически опаздывать к трапезе или ежевечернему собранию всех членов «стаи» во главе с «вожаком»-ведущим и игнорировать команды, лишится этого права.

Кто именно будет вести шоу, участники не знали. Имя «вожака» держалось в секрете. Почему — никто не знал. Но Карина уверяла всех, что им станет Дмитрий Нагиев, Наташа ставила на Пореченкова, Варвара склонялась к тому, что пригласят кого-то менее раскрученного, а Маша почему-то ожидала увидеть Ксению Собчак.

Ближе всех к истине оказалась именно она. Но только потому, что вести передачу поручили женщине.

Ариадне Гор. Молодой, красивой, дерзкой и невероятно талантливой.

Эта девушка часто мелькала на телеэкране, но раньше не вела ни одного шоу. Ариадна писала книги, сценарии, пьесы. А еще она пела в андеграундовой группе и увлекалась гонками. Выиграла несколько кружных

соревнований. Во время последнего сломала три ребра и нос, вылетев с трассы.

Ариадна прибыла на остров к вечеру, когда все уже устали ломать голову над тем, кого увидят в роли ведущего. Никто из участников, ни парни, ни девушки, почему-то не ожидал, что это будет Ариадна. Но когда она вышла из джунглей на поляну, высокая, худая, спортивная, с короткой стрижкой, загорелая, с яркими татуировками, с чуть искривленным носом и пирсингом в губе, все сразу поняли: она, именно она должна стать «вожаком» их «стаи». Не мужчина-брутал, не светская львица, а эта дикая, сильная телом и духом женщина... Во многом напоминающая мужчину. И телом и духом. Такая личность и должна вести шоу, где люди и выживают в непривычных для себя условиях, и строят любовь.

— Она бисексуалка, — шепнула Маше на ухо Карина. Почему-то именно ее девушка выбрала своей товаркой. — У нас в шоу тоже допускаются однополые пары. Слышала? — Маша отрицательно покачала головой. А Карина продолжила: — А администраторша Дина даже сказала, что приветствуются, потому что такого еще ни в одном отечественном шоу не было. Как ты думаешь, замутит кто-нибудь?

Среди девочек, на взгляд Маши, все были традиционной ориентации, так что однополую пару никто из них явно не составит. А вот за парней она не ручалась. Геом мог оказаться любой. За исключением, пожалуй, Лошка. Таких среди голубых Маше встречать не приходилось. Они были ухожены, подтянуты, модно одеты. И Красавчик, и Качок, и Хитрюга ходили в этом на мужчин нетрадиционной ориентации. Не говоря уж о Певце. Среди творческих людей геев особенно много.

Ариадна по прибытии подошла к участникам, со всеми познакомилась. Не факт, что запомнила, как кого зовут, но это не важно. Всем было приятно внимание звезды. Особенно оживились, общаясь с Гор, Наташа и Певец. Первая мечтала сниматься в клипах, а второй — снимать свои, сценарии к которым писал бы талантливый и очень модный персонаж, такой, как Ариадна.

Сама же ведущая не выразила никому особой симпатии, была со всеми одинаково приветливой. Только на Маше она задержала взгляд. Но в этом не было ничего удивительного, на нее все пристально смотрели. Только потому, что у Маши была экзотическая внешность.

Все, кто видел ее впервые, принимал девушку за мулатку. На самом же деле африканцев в ее роду не было. Темная кожа досталась девушке от прабабки-цыганки. От нее же — черные кудрявые волосы. А вот глаза она унаследовала папины — серо-зеленые, кошачьи, горящие на смуглом лице под черными же бровями, как два драгоценных камня.

Мама даже испугалась, когда первый раз увидела новорожденную дочь. Решила, ей чужого ребенка подсунули. Потому что ни на нее, ни на мужа, хотя и жгучего брюнета, но светлоглазого и белокожего, девочка не походила. Но ее матушка, Машина бабка, увидев новорожденную в окне роддома, успокоила. Сказала, что малышка — вылитая прабабка. В этом все вскоре убедились, когда старуха, не поддерживающая отношений ни с одним из родственников, явилась на крестины правнучки. Как она узнала о них, никто понятия не имел. Почувствовала, что ли? Или ей карты подсказали? Не зря же женщина гаданием промышляла. Так вот, старая цыганка явилась на крестины, но не к нача-

лу, а когда обряд уже завершился, взглянула на Машу и констатировала: «И правда в меня пошла!» Потом она одарила правнучку цепочкой с кулоном и удалилась. А все, кто присутствовал при этом, отметили: старуха права, малышка — почти точная ее копия. Только глаза не черные, а серо-зеленые, как у отца.

Маша вообще была папиной дочкой. Она любила сначала его, потом снова его и опять его, а только потом маму. Особенно ей нравилось играть с его бородой. Девочка садилась постоянно на колени к отцу и то расчесывала курчавую растительность на лице отца, то украшала ее цветочками или тесемками, то закалывала ее своими крабиками, а могла подлезать под папки подбородок, делая вид, что его борода — это ее челка.

Отец умер, когда Маше исполнилось семь, скоропостижно скончался в возрасте тридцати восьми лет. Утром пошел на работу здоровый, вернулся вечером с покальвающим сердцем. Сказал жене: «Что-то я сегодня себя не очень хорошо чувствую, прилягу».

Ночью он умер.

Все то время, что папа лежал в гробу, Маша от него не отходила. Даже спала на диванчике в комнате, где он был выставлен. Мама пыталась увести дочь, но девочка начинала горько рыдать и просила оставить ее с папочкой. От нее отстали, чтобы не травмировать ребенка еще больше. Никто из родственников не понимал, почему Маша так упорно не желает отходить от гроба. Все думали, что ребенок хочет запечатлеть в своей памяти лицо любимого родителя (она практически не отрывала от него глаз), осознать, что его больше нет, и мысленно с ним проститься. Даже мама не догадывалась, в чем причина дочкиных бдений у гроба. Только прабабка, старая цыганка, которая несколько

лет не показывалась в их доме, зато явилась в день смерти отца уже в черном платке на голове, сразу поняла — Маша ждет момента, когда покойник проснется и встанет.

— Ты думаешь, он впал в летаргический сон? — проскрипела старуха Маше на ухо сразу, как вошла и уселась рядом.

Девочка молча кивнула. Она видела по телевизору передачу про летаргию и очень переживала. Ведь это так страшно — быть похороненным заживо.

— Нет, дочка, твой папа умер, — сказала бабка.

— Откуда вы знаете?

— Душа его далеко. У тех же, кто застрял между миром живых и мертвых, она рядом с телом летает.

Маша обвела глазами комнату. Вдруг душу папину увидит? На миг девочке показалось, что ей это удалось. Вот она, душа, медленно спускается от окна к полу. Но это был всего лишь залетевший в форточку тополиный пух...

— Простись с отцом своим, дочка, — сказала бабушка перед тем, как уйти. — Не оживет он. Умер.

Но Маша не поверила ей. Поэтому, когда на кладбище начали забивать гроб, она кинулась к могильщикам с криками: «Не смейте! Оставьте! Он же не выберется!..», отталкивала их, принялась отдиравать крышку. Ребенка еле оттащили, увели в автобус, напоили валерьянкой.

Покойника закопали. Пока гроб забрасывали земель, Маша беззвучно плакала, забившись в самый конец салона и сжавшись в комочек.

На поминки девочку не взяли. Отвезли домой, уложили.

Маша проспала весь день, вечер и половину ночи, а когда проснулась, встала, тихонько проследовала к

входной двери и выскользнула из нее. Она направилась на кладбище, к могиле папы — вдруг он очнулся и никак не может выбраться? Что бы ни говорили, как бы ни убеждали ее все, что папа умер, Маша не могла в это поверить. Ведь он не пил, не курил, был молодым, здоровым, крепким, даже простуда его не брала. И ушел тихо, незаметно. Как будто уснул...

Так не умирают!

До кладбища Маша в ту ночь не дошла. Девочку в накинутаой на ночную рубашку кофточке остановил милицейский патруль. Когда выяснилось, что ребенка никто не обижал, в том числе родственники, его вернули домой. Мама объяснила милиционерам, в чем дело. Мужчины сочувственно покачали головами и посоветовали показать Машу детскому психиатру.

Родительница так и сделала. После нескольких занятий ребенок избавился от своей навязчивой идеи. А вот страх остался, Маша больше всего боялась быть похороненной заживо.

Глава 2

Аслан сидел на высоком деревянном табурете и, тихонько постукивая пальцами по ножке, рассматривал людей, собравшихся сейчас на веранде самого большого дома их «деревеньки». Именно в нем, по задумке устроителей шоу, участники будут собираться вместе, чтобы обсуждать события минувшего дня, выбирать пару или выгонять кого-то вон.

Парни сидели сейчас напротив девушек. Ведущая стояла чуть в стороне и говорила что-то в нацеленную на нее камеру. Участники пока были предоставлены сами себе. Кто-то тихонько болтал, две девушки по-

правляли макияж, один из ребят играл в электронную игру. А Аслан за всеми наблюдал.

Из парней ему понравился только Димон. Белобрысый паренек из небольшого провинциального города, приехавший в Москву ради заработка, Димон трудился продавцом на рынке, торговал «железками». Любил пиво, пельмени с майонезом, футбол и баню. Когда он сообщил об этом, Гриша Кротов, он же певец и композитор, уничтожительно фыркнул:

— Стандартные плебейские радости...

Димона эти слова задели. Но он не стал выяснять с Кротовым отношения. За него, как ни странно, вступился Артем, холеный столичный красавчик в джинсах «Версаче» и с бриллиантом в ухе:

— А не плебейские радости — это какие? Мохито, омары, йога и спа-салон? — насмешливо спросил он у Григория.

— А хоть бы и так...

— Все мои девочки то же самое любят. Ты с ними, смотрю, на одной волне! А мы, мужики, любим пиво и футбол!

Аслан с интересом посмотрел на певца. Как он реагирует на то, что его, можно сказать, бабой обозвали? Но Григорий сделал вид, что не понял намека, перевел разговор на другое. Димон мгновенно просиял и стал смотреть на Артема с обожанием. Чего тот, собственно, и добивался. Аслану сразу стало ясно, что парень решил обзавестись союзником. А Димка, как самый бесхитростный, подходил на эту роль лучше остальных, ведь им было легче манипулировать.

Пятый участник, Саша Шварц (псевдоним, взятый не просто так — Арнольд Шварценеггер являлся кумиром парня), тоже производил впечатление простоватого парня, но был очень упрям. Об этом свидетельство-

вало хотя бы то, что Саня, родившийся чахлым, росший забитым, когда повзрослел, смог стать чемпионом Европы по бодибилдингу. Вопреки всему он добился своего. И Аслан, наверное, стал бы его уважать только за это, если бы Саша не был беспроблемно невежественным. Целиком отдаваясь спорту, он совсем не развивался интеллектуально. Говорить с Сашей — все равно что общаться с третьеклассником. К счастью, он в основном помалкивал. В отличие от певца. Этот, казалось, ни на минуту не замолкает. Обо всем ему надо высказать свое мнение, прокомментировать каждое свое или чужое действие. Но в основном из уст Григория вылетали воспоминания о том, как он принимал участие в певческом шоу на одном из центральных каналов. В нем он не стал победителем и даже не дошел до финала, но якобы лишь потому, что его засуживали.

Григорий не нравился Аслану больше остальных, но он ничем не выказывал своего отношения к певцу. Если тот у него что-то спрашивал, отвечал вежливо. Пока Гриша ничего плохого никому не сделал. Только надоел своими бесконечными рассказами.

— Внимание, девочки! — услышал Аслан голос режиссера. — Приготовьтесь, сейчас вас будут снимать. Каждая должна представиться. Назвать свое имя и сказать, откуда приехала. На ком камера останавливается, тот говорит. Итак, начали!

Первой представлялась блондинка Наташа, которая не давала Аслану прохода. Красивая, стройная, женственная, она наверняка нравилась мужчинам, вот только Аслана оставляла равнодушным, хотя вроде бы это — его типаж. Его всегда привлекали грациозные блондинки с голубыми глазами, но Наташа почему-то не нравилась. Быть может, из-за своей навязчивости. Аслан, наверное в силу воспитания, был из породы тех

мужчин, которым нужно женщин завоевывать. А когда она сама, можно сказать, себя предлагает, это и неинтересно, и как-то неправильно! Обесценивает барышню. По крайней мере, в глазах Аслана.

Три остальные девушки ему нравились больше. Особенно мулаточка с исконно русским именем Маша. Было в ней что-то завораживающее. И не только в экзотической внешности, но и в движениях, в поведении. Например, она могла резко замереть и начать вслушиваться в звуки: в шум листвы, в пение птицы. Или идти, идти, вдруг остановиться, присесть и начать рассматривать букашку, ползущую по земле. А еще она часто улыбалась. Не людям, а птицам и букашкам. А еще собственным мыслям...

Про таких, как Маша, обычно говорят — чудная. А Аслану почему-то всегда нравились женщины с небольшими странностями, не от мира сего. Хотя для отношений он выбирал иных — обычных, даже чуть простоватых (потому что с ними легче), но не внешне. Все женщины Аслана были красавицами. Если бы Наташа не вела себя так навязчиво, он выбрал бы ее. По крайней мере, на время проекта. Теперь же надо рассматривать кого-то другого. Карина отпадала сразу, слишком она была шумна, вертлява, взбалмошна. Оставались Маша и Варя. Мулаточка и рыженькая кроха. Тянуло к Маше, но Варя производила впечатление более стоворчивой и рассудительной. Именно с такой легче всего будет создать на этом проекте крепкую пару.

Аслан присмотрелся к Варе. Хорошенькая, улыбающаяся, с ямочками на щеках и яркими карими глазами — такой можно всерьез увлечься. Только почему его взгляд неизменно притягивает другое лицо? Смуглое, светлоглазое, с полуулыбкой на полных губах? Аслан ловил себя не только на желании смотреть на Ма-

шу, но и прикосаться к ней. Ему хотелось погладить ее по щеке, проверить, так ли нежна кожа, какой кажется, провести рукой по кудрявым волосам, чтобы понять, жесткие они или мягкие, прижаться к ягодицам, таким аппетитным на вид...

Дальше Аслан решил в своем воображении не заходить, дабы не терять самообладания. Ему необходимо оставаться в ясном уме, чтобы добиться цели.

Аслан всегда был таким, сколько себя помнил. Другие дети теряли голову от пистолетиков, игрушечных самосвалов, велосипедов и мечтали об этих ерундовинах. Аслана же интересовало иное. Он поставил перед собой цель: стать первым в секции детского карате, кто получит черный пояс, и шел к ней, не отвлекаясь на мелочи. Потом были другие цели: стать чемпионом юниорской лиги, взрослой, попасть на чемпионат мира, выиграть, заполучить крупный рекламный контракт, сделать карьеру в кино, да не российском, а голливудском...

Запнулся Аслан на чемпионском титуле — проиграл финальный поединок. Причем позорно. Не рассчитал силы. Переоценил себя. Его все потом успокаивали. Говорили, что проиграть такому матерому бойцу не позор. Тем более Аслану явно не хватало опыта. Он был еще очень молод, зелен, чтобы тягаться со звездой карате. И не только свои — приятели, тренер, родители были такого мнения. И устроители, и комментаторы, и журналисты — все считали Аслана Умарова молодцом. Ему даже крупный рекламный контракт предложили. Пусть он не чемпион, зато красавец! Но Аслан отказался. Он хотел прославиться не как обычный смазливый мальчишка, а как победитель.

Аслан дал себе зарок в следующий раз обязательно завоевать чемпионский титул. Вот только сразу по воз-

вращении в Россию он попал в аварию. Причем, как всегда, из-за своей самонадеянности. Он гонял на старенькой, но отлично прокачанной «Мазде» с восемнадцати лет. Всегда лихачил. Подрезал, обгонял, нарушал правила. И все с рук сходило. Аслана даже ни разу всерьез не штрафовали, только за незначительные превышения скорости. И вот на двадцать четвертом году жизни, когда уже и опыт водительский неплохой, взял и влетел в столб, не успев проскочить на мигающий зеленый. К счастью, не разбился. И даже не сильно пострадал. Подумаешь, руку сломал в двух местах. Ерунда это!

Аслан и сам так думал. Вот только рука не восстановилась окончательно. Как ни разрабатывал — не слушалась так, как раньше. Аслан собирался сделать повторную операцию, но врач отговорил, сказал, что не стоит рисковать. Кости здорово были раздроблены, если еще раз вмешаться, можно навредить, и тогда рука совсем перестанет двигаться.

«Вы молоды, друг мой, — сказал ему на прощание врач. — У вас вся жизнь впереди. Займитесь чем-то другим. Не сошелся же на карате свет клином!»

Аслан и сам это понимал. Но уйти на «пенсию» ему было бы не так обидно, выиграй он чемпионат. И парень захандрил, не знал, куда себя деть. И как заработать на жизнь. В институт он поступил только в двадцать один год, так что диплом еще не скоро получит, а кушать надо сейчас. А еще помогать маме и младшей сестренке. Отец Аслана пропал без вести вскоре после возвращения сына из больницы. Выехал поздним вечером из города, где работал, в поселок, где жил. Пришлось задержаться из-за какого-то аврала. Перед выходом позвонил домашним. Сказал: «Закончил, собираюсь на электричку, ждите через полтора часа».

И еще у жены блинов попросил. Отец родился, вырос и большую часть жизни прожил в Чечне. Предпочитал кавказскую кухню. Но когда переехал в Россию, любил толстые дрожжевые блины. Причем ел их с селедкой и мелко рубленным зеленым луком. Кто-то угостил разок, и все, отец Аслана, что называется, пропал. Супруге пришлось научиться печь эти самые блины, да чтобы именно такие, как надо: мягкие, пышные, не сладкие и не соленые, но и не кислые, а с ненавязчивым вкусом. Не всегда они удавались такими. Поэтому мама Аслана редко пекла блины, только по особой просьбе своего благоверного.

В ТОТ день блины удались! Даже дети, не питавшие к ним слабости, с удовольствием съели по штуке — больше им не дали, сказали: вот папа приедет, сядем все вместе за стол и поедим. Аслан помнил, с каким нетерпением ждал отца. Запах блинов щекотал ноздри, вызывал урчание в желудке. Парню так хотелось поскорее до них добраться, что он мысленно поругивал отца за то, что он так задерживается.

Кто бы знал, как Аслан потом мучился, вспоминая мысли, которые проносились в его голове в ТОТ день! Ему даже иногда казалось, что это он во всем виноват! Думал об отце плохо, вот и накликал беду...

Когда отец не появился вовремя, все сразу забеспокоились. Это многие другие мужья, отцы могли после работы куда-то с друзьями пойти пива-водки-чаю попить, но только не глава семейства Умаровых. Папа Аслана всегда стремился домой, к семье. Возможно, потому, что жил не на родной земле, а на чужбине. Но он со многими поладил, с кем-то сдружился, и если бы было желание, мог бы найти компанию для распития чего-либо где-то вне дома, но он этого не делал.

— Может, электричка опоздала? — с надеждой спрашивала у сына мать. — Такое ведь бывает?

Аслан кивал, а у самого кошки скребли на душе. Их дом стоял рядом со станцией, и он слышал, как электричка остановилась у платформы. Это было пятнадцать минут назад!

— Я схожу на станцию, узнаю, — бросил он маме и вышел из дома.

Отца Аслан искал весь вечер. Спрашивал у прохожих: не встречался ли им высокий черноволосый мужчина с бородой, одетый в светлый плащ, заходил домой к знакомым папы, но все без толку... Никто в этот день не видел Умарова-старшего!

Милиция тоже ничем не смогла помочь. Отца объявили в розыск, но ни его самого, ни его следов так и не нашли. Умаровым сказали: считайте главу семейства мертвым. Скорее всего, его убили по пути домой (либо из-за денег, либо из-за национальной ненависти), а труп сбросили в реку или закопали. Но мама Аслана не желала в это верить. Она твердила: «Мой муж жив и обязательно вернется». Дети с ней не спорили, хотя оба были уверены в правоте милиционеров.

С исчезновением отца благосостояние семьи резко ухудшилось. Папа был настоящим кормильцем — он обеспечивал жену и детей. Те деньги, что зарабатывал Аслан, будь то призовые или редкие рекламные, он тратил на себя. Мама тоже распорядилась своей небольшой зарплатой воспитателя детского сада по своему усмотрению. На содержание дома, питание, одежду, отдых им хватало того, что приносил папа. Он трудился на крупном автомобильном заводе, занимал должность начальника проектного бюро, получал отличную зарплату. Семье было по средствам даже переехать из поселка в мегаполис, но папа не хотел. Ему

нравилось жить в тихом пригороде, ездить на работу не на машине, а на электричке, которой не страшны пробки, развлекаться не походами по ресторанам, а пикниками на природе. Сын же рвался в город. Он много времени проводил там, останавливаясь «на постой» у друзей или девушек. Ходил по клубам, кафе, боулингам. Любил ночью просто погонять по проспектам. То есть раньше в городе Аслан отдыхал. Теперь же ему пришлось туда поехать, чтобы заработать.

Парня с незаконченным образованием, да еще и студента-заочника, брали только продавцом или официантом. Благодаря своей внешности Аслан смогстроиться в приличный бутик. По пятницам, субботам и воскресеньям он подрабатывал охранником в ночном клубе. В понедельник, свой единственный выходной, Аслан едва ноги таскал от усталости. Отключался уже в электричке (машиной он не пользовался — на бензин уходила бы треть его доходов) и спал всю дорогу. Иногда проваливался в сон так глубоко, что проезжал свою станцию.

Это были тяжелые времена. Аслан очень уставал на работе, а ему еще и учиться нужно было успевать. Когда же наступило время сессии, из бутика парню пришлось уйти, потому что учебный отпуск ему никто предоставлять не собирался. Остался только ночной клуб, но там платили копейки. Аслан уже стал подумывать о том, чтобы бросить учебу, а то ведь так и придется скакать с места на место, да и платить за нее надо, учебуто, но тут ему предложили попробовать себя в модельном бизнесе.

Аслан шел по улице. Стояла жара, и на нем были надеты шорты и майка. Он два дня не брился и все никак не мог выкроить время, чтобы сходить в парикмахерскую. В таком виде Аслана обычно останавлива-

ли менты для проверки документов, а тут остановил расфуфыренный мужчинка неопределенного возраста. Умаров напрягся, решив, что дядька хочет его «снять». Но новый знакомец оказался модным фотографом (как потом выяснилось, традиционной ориентации), и снять Аслана он желал только на фотокамеру. За позирование предложил неплохую оплату. А так как Аслан в тот момент катастрофически нуждался в деньгах, то согласился. Но для себя решил, что если фотограф — гомик и позволит себе хоть малейшую вольность, даст ему в морду, а от съемки откажется.

Но все прошло идеально. Главное же — Аслан легко справился с поставленной задачей. Ему ничего и делать не понадобилось, только быть самим собой. Причем фотограф просил не бриться, не стричься перед сессией, а также не удалять волосы на теле и не выщипывать брови. Последнее Аслана позабавило. Ему и в голову не приходило избавляться от лишней растительности, тем более на переносице. Он же не девушка, чтобы этим заниматься.

Снимки получились прекрасные. И совсем скоро Аслану еще предложили работу модели. Потом еще и еще. Он стал регулярно сниматься. Необходимости в работе охранником больше не было. Но он не ушел из клуба и всем, с кем знакомился, говорил, что зарабатывает именно этим, умалчивая про свою модельную карьеру.

За год Аслан смог крепко встать на ноги. Он и маму с сестрой обеспечивал всем необходимым, и сам устроился. Квартиру снял, машину поменял, за учебу заплатил опять же. В общем, жаловаться ему было грех. Аслана его жизнь устраивала. Свободен, здоров, не беден, девочкам нравится, а что еще надо молодому человеку? Конечно, он еще не достиг того уровня матери-

ального благосостояния, о котором мечтал: угла своего нет, авто недорогое, семью не озолотил, но он и не думал разбогатеть, фотографируясь для журналов. Считал, что это нереально. Вот окончит институт, получит диплом, найдет работу хорошую и тогда...

Еще через полгода Аслан понял, как ошибался. Оказалось, что заработать, позируя для журналов, можно не только на сносную жизнь. Тот фотограф, который открыл его, Федор Федоров, прибежал как-то к своему протеже и, захлебываясь от восторга, сообщил:

— Тобой заинтересовалось очень известное американское модельное агентство! Они хотят заключить с тобой трехлетний контракт. А еще на тебя имеет вид одна крупная торговая марка. Тоже штатовская. Их представитель видел твои фотографии и заинтересовался. Если ты заключишь с этой фирмой контракт и начнешь сотрудничать с агентством, то заработаешь миллионы!

— Для этого я должен поехать в Штаты?

— Естественно.

— Но я не хочу покидать Россию...

— Это такой шанс, Аслан! Ты просто не представляешь... — Федор, только что присевший на краешек стула, вскочил и возбужденно заходил по комнате. — Ни одному из тех, с кем я работал, еще не удалось заинтересовать америкосов. Пара девочек уехали работать в Европу, столько же в Японию, но на моей памяти нет ни одного случая, когда за границу позвали бы парня. Вы на модельном рынке товар... э... скажем, второсортный. Индустрия ориентирована на женщин, поэтому на вас спрос меньше...

— Да все я понимаю.

— А раз понимаешь, соглашайся, не сомневайся!

Если б мне как фотографу такое предложили, я бы не раздумывал.

Аслан и сам понимал, что это его шанс, поэтому решил принять предложения американцев. В России его удерживали только семья и учеба. Но с мамой и сестрой можно по скайпу разговаривать и перечислять им деньги на карточку, а диплом получить он всегда успеет. Да и понадобится ли он, если Аслан заработает миллионы? На эти деньги он, когда вернется, сможет бизнес «замутить» или просто зажить припеваючи в праздности, поместив средства в надежный банк под проценты.

Аслан отправился в Москву для встречи с потенциальными работодателями. Но маме с сестрой не сказал зачем, был немного суеверен. Потом порадовался этому, потому что в Америку он не поехал. Хотя переговоры прошли успешно. Он уже готовился подписать контракт, но...

Произошло кое-что, изменившее не только его планы, но и отношение к жизни. Аслан решил, что ни в какую Америку он не может поехать. А вот куда он должен попасть, так это на реалити-шоу «Дикий рай». Но не затем, чтобы прославиться. А для того, чтобы убить одного из участников!

Глава 3

Дима не сводил восторженных глаз с Ариадны. «Как же она прекрасна, — повторял и повторял он про себя, — и как не похожа на всех».

В детстве он обожал ловить гусениц. Но не для того, чтобы подкинуть в портфель девочке или поиздеваться над ней. Дима гусеницами любовался. Он сажал

их в банку, усталенную листьями, часами наблюдал за грациозными движениями этих существ, рассматривал их милые «мордочки», «пушинки» на спине, нежные брюшки. Зеленые, белые с синими полосами, черные с ярко-красными крапинами, каких только гусениц Дима не отлавливал! Однажды, ковыряясь в песке на берегу реки, он нашел мертвую. Она сильно отличалась от тех гусениц, которых он видел до этого. Прежде всего размером, она была крупнее, но и внешним видом тоже. Невзрачная серая расцветка, никаких пушинок на спине, зато полосы по бокам, как у тигра, а вместо «мордочки» — «лицо» инопланетянина с раскосыми черными глазами. Гусеница сначала показалась Диме отталкивающе некрасивой. Даже мерзкой. Но чем дальше он смотрел на нее, тем больше она ему нравилась. Он уже видел в ее хищной окраске и пугающем «лице» красоту. Дима очень сожалел о том, что гусеница мертва. Но все же он взял ее с собой, чтобы посмотреть в энциклопедии, в какую бабочку личинка могла преобразиться...

Оказалось, в «Мертвую голову»!

Как эта гусеница могла попасть в их Кировскую область, оставалось только гадать. Дима решил, что ее сожрала какая-то крупная птица, но не смогла переварить...

Ариадна напоминала ему ту самую гусеницу. И так же, как она, сначала Гор показалась ему отталкивающей. Худая, мускулистая, татуированная, коротко стриженная, с хищным лицом и раскосыми глазами инопланетянина, она не походила на женщину. Но и мужского в ней было мало. Существо без пола. Да и что за существо — не ясно. Какой-то непонятный гибрид...

Homo sapiens, скрещенный с *Acherontia atropos*.

Человек разумный, скрещенный с...

Бабочкой «Мертвая голова».

— Дмитрий, а ты? — услышал он хриловатый голос Ариадны. Он так залюбовался ею, что перестал следить за происходящим. Ведущая задавала участникам вопросы, а так как Димон сидел самым последним, то очередь до него дошла лишь спустя пятнадцать минут. Все это время он не сводил с Ариадны глаз, но слушал плохо.

— Что, прости? — переспросил он, немного смутившись. Теперь все подумают, что он идиот, раз с первого раза не понимает вопрос. И, чтобы этого избежать, решил добавить: — Я не расслышал.

— Я спросила, выделяешь ли ты кого-то из девушек?

— Ну... — И покраснел.

Все это заметили и засмеялись.

— И кто же из участниц тебе нравится больше остальных? — продолжила задавать вопросы ведущая.

— Не из участниц...

Певец Григорий загоготал и, хлопнув в ладоши, выкрикнул:

— В нашей стае завелся голубок!

Ариадна посмотрела на него таким тяжелым взглядом, что Гриша моментально примолк. И даже руки в карманы спрятал.

— Тебе нравится кто-то из парней? — обратилась к Димону Гор.

— Нет, конечно! — Дима почувствовал, как запылали уши.

— Тогда кто же?

— Ты!

Его наглость ее не удивила и не оскорбила, а позабавила. Серьезное, если не сказать суровое лицо Ари-

адны на миг осветилось улыбкой. Причем губы ее не дрогнули, только в глазах сверкнула задорная искорка.

— Спасибо, мне очень приятно, — проговорила она ровно. — Только тебе надо выделить одну из тех четырех прекрасных девушек, что сидят напротив, и начать за ней ухаживать. Времени у тебя мало. Уже завтра вечером состоится первая церемония выбора пары. Одиночка в конкурсе на выживание, который состоится послезавтра, останется без поддержки и помощи партнера и не пройдет испытание.

— А что за испытание? — поинтересовался Аслан.

— Об этом вы узнаете перед самым конкурсом. Но хочу вас предупредить, будет трудно, жестко... И опасно. Не справившиеся с заданием автоматически становятся кандидатами на вылет. У прошедших путь до конца — иммунитет.

— А если все пройдут этот путь?

— Это невозможно, — покачала головой Ариадна. — У пары еще есть шанс справиться, у одиночки же — никаких. Так что мотайте на ус, мальчики. — Гор с усмешкой посмотрела в камеру. — На этой оптимистичной ноте мы заканчиваем. Всем спокойной ночи. До завтра!

И, не сказав больше ни слова и даже ни на кого не посмотрев, она покинула съемочную площадку.

Участники загадели, обсуждая услышанное. Только Димон молчал. Он смотрел вслед Ариадне. Ему нравилась даже ее сутуловатая спина с острыми лопатками. Они походили на крылышки...

Его всегда тянуло к женщинам-бабочкам. Первая девочка, которую он полюбил, напомнила ему лимонницу. У нее были светло-рыжие волосы и пушистая желтая шубка из искусственного меха. Вторая походила на клеверную пестрянку — такая же маленькая, ак-

куратная, и в ее черной шевелюре алело несколько толстых ярких полос, точно как на крыльях бабочки. Третья, самая серьезная, была похожа на павлиноглазку. Грациозная, смуглая, с бронзовыми волосами и желтыми глазами, наполовину татарка, наполовину арабка. Она любила летящие шелка и атласы, и когда стремительно шагала, то казалось — летит...

Таких женщин Димон любил... Но встречался с другими... Обычными... Серыми.

Но с другой стороны... моль в некотором роде тоже бабочка.

— Дима, — услышал он требовательный оклик и встряхнулся. Оказалось, к нему подошел режиссер Алекс Королев.

— Да, слушаю.

— Вот именно, что не слушаешь, — раздраженно буркнул тот. — Я даже съемку хотел остановить, когда камера на твоём лице задержалась. Потом просто вел оператору тебя не снимать.

— Почему?

— У тебя все время отсутствующий вид. Но хуже не это, а то, что он еще и дебильный, а мы снимаем шоу для массовой аудитории, а не для людей с задержкой умственного развития, им бы ты понравился.

— Я просто немного задумался, — начал оправдываться Дима. Он знал, что, когда погружается в свои мысли, выглядит глуповато, поэтому не обиделся на замечание режиссера.

— О чем, друг сердечный? Мы не на «Своей игре». Будь веселым, позитивным, обаятельным, своим в доску парнем — вот твоя актерская задача.

— А самим собой... я могу быть?

— Дима, ты, сам по себе, никакущий. Если б не наше давнее знакомство, ты бы не попал в это шоу. Так

что будь любезен, выполняй поставленные перед тобой задачи. Все понял?

Дима молча кивнул.

— Вот и ладненько! — Королев смягчился. — А вот твой финт ушами в сторону Ариадны мне понравился. Прекрасно придумано. Надо будет эту тему развить...

И, хлопнув Диму по плечу, удалился.

Они были знакомы около пятнадцати лет. Королев, тогда еще совсем мальчишка, работал у одного известного режиссера ассистентом. А Дима... Дима у него снимался.

В кино он попал благодаря бабочкам. Летом Дима с мамой, тетей и ее дочками поехали в Москву. Женщины решили показать детям достопримечательности столицы — Кремль, Третьяковскую галерею, зоопарк, ВДНХ... В «Макдоналдс» сводить, о котором в их Кировской области все знали из телевизионной рекламы, но мало кому посчастливилось в нем откусать.

Остановились у дальних родственников. Те, естественно, не обрадовались нашествию, но на ночь приютить согласились. То есть на все им отводилось два дня. Если бы женщины приехали одни, им этого времени хватило бы еще на то, чтобы по ЦУМу пробежаться и на витрины поглазеть, но с ними дети, а их пока соберешь, пока они на эскалаторе накатаются, пока съедят выклянченное по дороге мороженое, с которым в музей не пускают...

В общем, все запланированное посетить не успели. А главное, «Макдоналдс». Как не зайдут — очередь, вот и решили перед отъездом сходить. Отметить, так сказать, отбытие.

До поезда оставалось три часа. Компания под дружное детское улюлюканье направилась к дверям

закусочной. И тут Дима встал как вкопанный. Он увидел плакат «Выставка редких бабочек».

— Мама, я хочу туда.

— Не выдумывай, — проворчала мать и легонько подтолкнула сына к дверям, за которыми уже скрылись остальные.

— Мама! — умоляюще протянул Дима. — Пожалуйста...

— Не успеем, Дим.

— Но это недалеко. Видишь, тут адрес написан, в нем указана та же улица. — Он ткнул пальцем в указатель на доме, в котором располагался «Макдоналдс».

— Ты представляешь, какие в Москве улицы? Это тебе не у нас... — Она взяла его за руку. — Пошли.

— Нет, — замотал головой Дима. — Я хочу на бабочек посмотреть. Хоть одним глазком... — И шепотом: — Там они не засушенные — живые!

— Но мы не успеем и поесть, и на твоих чертовых бабочек посмотреть. Нам еще до вокзала добираться.

— Я могу не есть!

— А я? Я голодная!

— Мам, ты тогда иди ешь, а я один сбегаяю.

Мама застонала, но все же дала «добро» на посещение выставки. Естественно, одного Диму она не пустила, пошла с ним и всю дорогу ворчала и жаловалась на голод. А до нужного здания идти пришлось пятнадцать минут!

Когда Димон попал внутрь, то чуть не задохнулся от восторга. Бабочки были повсюду. Они не только находились в огромных «аквариумах», где порхали с цветка на цветок или приземлялись на ветки небольших декоративных кустарников, но летали и по залу. Повсюду были расставлены вазочки с фруктами, и бабочки садились на них, чтобы полакомиться. Одна из